

Много веков существует на земле древнейшее искусство иллюстрации. Миллионы и миллионы книг, снабженных черно-белыми и цветными графическими рисунками, разошлись за это время по свету.

В золотой фонд изобразительного искусства вошли иллюстрации художников разных веков и стран: О. Фрагонара к «Дон Кихоту» Сервантеса, Э. Делакруа —

И все же первый вопрос, который задает себе художник, приступая к очередной работе, звучит так: нуждается ли данная повесть, рассказ или стихотворный сборник в иллюстрировании? Иногда художник отвечает на него отрицательно, поскольку существуют литературные произведения, иллюстрировать которые не имеет смысла. Если произведение целиком держится на фабуле, если писателя занимают только сюжетные перипетии, то художник в лучшем случае сможет повторить языком графики повествование автора.

Однако в большинстве случаев дело обстоит иначе. Литературный материал позволяет художнику стать активным соавтором писателя и создать оригинальное, самоценное произведение искусства. Ведь иллюстрированная книга — это уже совершенно новая книга, которая является плодом сотворчества автора и иллюстратора. Это доказали работы наших замечательных художников — иллюстраторов В. Фаворского, В. Лебедева, Д. Шмаринова, А. Гончарова, О. Верейского и других.

Функции иллюстрации в новой книге многообразны. Одна из них — познавательная. Она особенно важна в произведениях классической литературы, в исторических повестях и романах. Старейший советский иллюстратор Н. Кузьмин писал, что с помощью художника читатель узнает, «в какие платья одевалась, какую прическу носила, на каких креслах сидела Татьяна Ларина, в каких палатах жил и на какой кровати спал царь Додон», «как выглядит печь в крестьянской избе и какой формы окна во дворце короля Артура». Подчас только на иллюстрациях читатель может увидеть интерьер, костюмы, предметы быта, характерные для той эпохи, о которой идет речь в литературном произведении.

И все же основная задача художника-

иллюстратора, на мой взгляд, заключается не в бытописательстве. Главное для него — выявить и подчеркнуть ведущую идею произведения, помочь читателю проникнуть в глубину авторского замысла.

Замечательный советский художник В. Фаворский не однажды повторял, что, оформляя книгу, нужно «ответить» не только на ее сюжет и идею, но и на стиль. Причем очень часто произведение требует больше второго, чем первого. Добить-

изображение пуль и солдатских кладбищ с бесконечными крестами и касками на них.

Работая над оформлением книги японского писателя Акутагавы Рюноске, я старался как можно острее передать трагизм его новелл, в которых отразилась мятущаяся душа человека, постоянно находящегося в непреодолимом конфликте с действительностью.

В иллюстрации к последней новелле Акутагавы я изобразил летящего ангела в цилиндре, манекен, граммофон с большой узкой трубой. Такое странное сочетание предметов не случайно. Каждый из них соответствует определенному важному моменту в жизни героя, а сведенные вместе, они дают наглядную картину никчемности, бессмысленности его существования.

Задача художника — иллюстратора не ограничивается, однако, только «разъяснением» авторской мысли. На правах соавтора художник входит в книгу как комментатор и интерпретатор. Иногда он даже может внести в свои иллюстрации элементы полемики с писателем.

Одну из моих последних работ — оформление «Илиады» — я начал с попытки определить, что же представляли собой греки во времена, описываемые Гомером. Исторические факты свидетельствуют, что в Троянской войне они выступали в роли завоевателей, которых прельстили богатства Трои. Мифическая история с похищением Елены была для них только поводом, чтобы начать осаду города.

Отсюда и вытекало мое несогласие с гомеровским описанием внешности греческих воинов. Автор «Илиады» изобразил греков бескорыстными героями, во внешнем облике которых отражалось их душевное благородство. Мне же гораздо ближе было мнение Алексея Толстого, который говорил, что греки были людьми с бычьими сердцами и мощными ляжками. Такими я и изобразил воинов Ахилла, вступив в противоречие с авторским предостережением: Гомер идеализировал греков, я же попытался «спустить их на землю».

Возможно, такая полемика художника с автором несколько усложняет восприятие произведения, но зато побуждает читателя активно включиться в творческий процесс и сделать свой собственный вывод.

Активность творческой позиции — главное в работе иллюстратора. Достоверность событий, обстановки, костюмов не исключает остроты мышления художника, как правило, созвучного писательскому, но всегда индивидуального и современного. Вот почему образ, созданный автором, в воображении читателя часто не отделяется от образа, воплощенного художником на графическом листе. Вот почему так велико эстетическое воздействие иллюстрированной книги, и встреча с ней — это всегда встреча с Прекрасным.

Вечерние беседы: встречи с прекрасным

З Р И М Ы Й ОБРАЗ СЛОВА

Очередную вечернюю беседу ведет заслуженный художник РСФСР, член-корреспондент Академии художеств СССР
Дмитрий Спиридонович БИСТИ.

к гетевскому «Фаусту», Г. Доре — к «Гаргантюа и Пантагрюэлю» Рабле, М. Бенуа — к пушкинскому «Медному всаднику», М. Врубеля к «Демону» Лермонтова. Этот список можно продолжать без конца.

И все же вопрос о том, нуждается или не нуждается литературное произведение в иллюстрировании, нельзя назвать праздным хотя бы потому, что во все времена у иллюстрации имелись противники, причем такие, с мнением которых нельзя не считаться. Резко высказывался по поводу иллюстрирования Флорбер. Отрицательно относился к этому вопросу Гоголь. Довольно сдержан в вопросе привлечения образной иллюстрации порой был Пушкин. Споры о том, нужна ли иллюстрация в книге, шли в нашей стране в 20—30-е годы. Идут они и теперь.

Среди «отрицателей» 20-х годов выделяется Ю. Тынянов — блестящий писатель, тонкий и глубокий ценитель слова. Его статья об иллюстрации заканчивалась следующими словами: «Иллюстрированная книга — плохое воспитательное средство. Чем она «роскошнее», чем претенциознее, тем хуже».

Естественно, что художник, создающий иллюстрации, с таким утверждением согласиться не может, тем более что протест Ю. Тынянова во многом объясняется пренебрежением некоторых иллюстраторов к многоплановости литературного произведения, к сложной жизни слова в литературном тексте.

Однако в большинстве случаев дело обстоит иначе. Литературный материал позволяет художнику стать активным соавтором писателя и создать оригинальное, самоценное произведение искусства. Ведь иллюстрированная книга — это уже совершенно новая книга, которая является плодом сотворчества автора и иллюстратора. Это доказали работы наших замечательных художников — иллюстраторов В. Фаворского, В. Лебедева, Д. Шмаринова, А. Гончарова, О. Верейского и других.

Функции иллюстрации в новой книге многообразны. Одна из них — познавательная. Она особенно важна в произведениях классической литературы, в исторических повестях и романах. Старейший советский иллюстратор Н. Кузьмин писал, что с помощью художника читатель узнает, «в какие платья одевалась, какую прическу носила, на каких креслах сидела Татьяна Ларина, в каких палатах жил и на какой кровати спал царь Додон», «как выглядит печь в крестьянской избе и какой формы окна во дворце короля Артура». Подчас только на иллюстрациях читатель может увидеть интерьер, костюмы, предметы быта, характерные для той эпохи, о которой идет речь в литературном произведении.

И все же основная задача художника-

ся того, чтобы стиль графических рисунков соответствовал стилю литературного произведения, — одна из самых сложных задач, встающих перед художником.

Понятие стиля включает в себя несколько компонентов (язык, ритм, интонация), которые позволяют определить, перу какого писателя принадлежит то или иное произведение. Например, для поэзии Маяковского характерно емкое, образное слово. Поэтому, создавая иллюстрации к поэме «Владимир Ильич Ленин», я всякий раз пытался найти такой элемент изображения, который бы вызывал в памяти целую картину или событие. Стремился передать необычный, «рубленый» ритм стиха Маяковского, я сделал рисунки разных размеров и располагал их в книге таким образом, чтобы они подчеркивали динамику поэмы. Увеличение количества красного цвета в иллюстрациях от начала поэмы к ее концу соответствовало нарастанию пафоса повествования.

Одна из важнейших задач художника-иллюстратора — выявить и подчеркнуть ведущую идею произведения, помочь читателю проникнуть в глубину авторского замысла.

В иллюстрациях к поэме Е. Исаева «Суд памяти» я подчеркивал антифашистскую направленность этого произведения, показывая, во что превращается ослепленный фанатической ненавистью человек, какие страдания несет он миру. Как злобный рефрен, через всю книгу проходит